

Наталья Родионова

От женских рук исходит доброта

Весна расцветала под очистившимся небом, ещё очень скромная, с тихим солнцем и лёгким ветром. Подсыхали лужи – земля вбирала влагу и пахла теплом хорошего дня. В прошлогодней траве желтел пушистый первенец, особенный своей ролью оживления улицы. Казалось, ничего замечательного в нём не было, а взгляд притягивал весело и приятно.

Я шла к Фаине Михайловне Ермушовой. Меня грело ощущение предстоящей встречи с простым и добрым человеком, поэтому, проходя мимо Тамары Зайкиной, развешивающей на верёвках бельё, поделилась с ней этим настроением. В ответ услышала соседское:

– Дома она, дома. Готовит что-то вкусное – даже коридор надышался.

Характер приветливой хозяйки отражался в уюте и чистоте квартиры, в располагающем к душевной беседе диванчике в прихожей, в голубых фиалках, свисающих из плоски на окне кокетливой гроздочкой, тоже весенней, красивой. И подумалось: как много могут женские руки! Вот они спокойно лежат на коленях, расправляя, оглаживая складки платья, натруженные всей её жизнью, даже не с девичества, а с детства, потому что пришлось оно на лихие годы Великой Отечественной и не имело ни своего безоблачного сияния, ни беспечной беготни, ни радостной сытости.

Она родилась в 1937 году в семье Михаила Семёновича и Анны Михайловны Щавелевых, майская девочка, младшая из сестёр – их было три, равно как и братьев, – и хутор ДавыдковоТутаевского района стал для неё местом, откуда пошло отношение к земле, как к кормилице, способной отдать человеку всё им выращенное, если он уважителен и чуток к ней. Такими были её родители, жившие личным подсобным хозяйством, которое забирало всё их время: коровы, лошади, куры, гуси, овцы – двор немалого

пересчёта, засевавшееся поле с ручной обработкой. Они нанимали сезонных работников, не обижая оплатой, и приучали своих детей ценить родное, истинное, доставшееся мозольными отметинами и согнутой спиной.

Коллективизация отобрала у них право собственника ради общего блага, хутор снесли из-за его ненужности экономике страны, большая семья поселилась в деревне Калошино. Михаил Семёнович, ушедший на железную дорогу, не поддался на уговоры и угрозы организаторов колхозов, в их многочисленности: три деревни – и колхоз! – была политическая установка на скорое построение социализма, государственного строя единой цели, воли и власти. Анна Михайловна вступила в предложенную форму нового существования, зарабатывала по триста граммов зерна – как все колхозники. Военная нужда, голод и непосильный труд достались такой полной чашей, что наглотались её женщины, как горькой слезы, до изнеможения, до истощения сил. Пилили лес, грузили его в вагоны, дома появлялись глубоким вечером, на печи сушили сырое бельё, съедали, что Бог послал, а в утреннюю рань – снова на делянку, к выдергивающей плечи пиле, к неотступным тревожным мыслям. Анна Михайловна оставляла на дочерей хозяйство, заботу о маленькой Фаине: девочки носили вёдрами воду, вязанки дров, ели пустой суп с кусочком хлеба, делали уроки, ждали отца. Михаил Семёнович по несколько смен сопровождал направлявшиеся на фронт товарные составы с секретным оборудованием.

Брат Фаины, Владимир Михайлович, был призван в действующую армию с первых дней войны. Восемнадцатилетним юношей он начал службу с распределения на сборном пункте в Тейкове Ивановской области, окончил ускоренное артиллерийское училище, прошёл с боями всю войну и до ухода в запас находился в Белоруссии. Вернулся в Ярославль с майорской звёздочкой на погонах.

Другой брат, Александр Михайлович, до отправки на фронт тоже познал ноющую ломоту от лесозаготовок. Служил он водителем в автороте до 1947 года. Был в Чехословакии, Польше, в составе автоколонны помогая многим

европейским городам, а после приехал на родину, в свою деревню, с вещмешком солдата, к родительской радости от долгого ожидания.

Военный голод запомнился всем. Взрослые старались выменять что-то из домашнего скарба в городе на продукты. Перины, подушки, одеяла, даже одежду отдавали за хлеб, соль, сахар, зерно в насыпку. Сами носили что придётся, нашивая заплаты, штопая нитками не в цвет, гуляя голыми пятками в худых валенках по снегу.

Весть о Победе в Калошино добралась не сразу. Её сообщил пришедший из Тутаева представитель, и все, кто был, прямо на улице собрали столы, поставили на них картошку «в мундире», солёные огурцы – ничего иного и не имелось, встретили праздник той счастливой весной в надежде на будущие перемены. Из тринадцати дворов только в трёх ярко засветились окошки вернувшихся защитников, и налаживать жизнь опять выпало женщинам, старикам и подросткам.

В 45-ом Фаина пошла в школу. До села Ильинское вела дорога в три километра, там находился детдом, принявший в войну эвакуированных из прифронтовых зон ребятшек. Директор Ольга Ивановна (фамилия, к сожалению, стёрлась от давности лет) отличалась добрым, спокойным характером. «Хорошая женщины была, приветливая, каждого проверит, тепло ли одет, перед тем как обратно три километра идти», – и сегодня взгляд у Фаины Михайловны светлеет от благодарности этой учительнице за её заботу о них. Тогда ведь, если ходить совсем было не в чем, дома сидели, а образование получить очень хотелось. После семилетки деревенским справки на учёбу в городе выдавали редко: колхоз удерживал, – поэтому запрягались на изнурительную работу в полеводстве. На лошадях пахали, зерно кидали в землю из горсти, от света до заката, но, даже выполняя норму, получали гроши. Конечно, понимали: страна ослаблена страшной войной, и ей надо помогать быть лучшей в мире. Да и так ничего не жалели: шерсть, яйца – всё сдавали, займы долгосрочных облигаций – брали, а куда денешься? Убегали на железную дорогу снег расчищать, чтобы хоть немного денег заработать, –

председатель колхоза за это судом грозил. Михаила Семёновича уже не было в живых: в 46-ом после операции аппендицита простудился и слёг. Мама научилась бить косы – мизерную плату брала с соседей. Её хвалили за умение: в сенокос только бригадир дядя Иван да она налаживали косы. А народ после войны отличался особенной дружностью, про каждого всё знали, поддерживали – несли продукты, керосин для лампы, которую зажигали к ночи, вечер сидели в потёмках; собираясь вместе, пели, шутили, горевали, свадьбы играли.

Такова была юность Фаины Михайловны в привычном круге дел, с выдававшимися по выходным танцами в клубе, для чего после фильма в зале убирали скамейки, – там она и познакомилась с Леонидом Ермушовым. Он из Саблукова с парнями навевался, приметилась ему красивая девушка, проводил до калитки и четыре года ухаживал, как положено, степенно и надёжно. Его отец, Андрей Иванович Ермушов, воевал на Курской дуге, погиб под Прохоровкой; сегодняшние внуки через интернет нашли имя деда в памятных списках тех, кто сложил голову на поле знаменитого сражения. Леонид отучился семь классов и был в колхозе «Заветы Ильича» разнорабочим. Хозяйство послало его в Быково, что под Рыбинском, на курсы трактористов широкого профиля – на все прицепные машины он имел права вождения.

У Фаины и Леонида хорошая семья получилась, на любви и уважении жили, в согласии, в ладу всё время, отведённое им судьбой. Сначала с матерью Леонида, потом отдельно устроились (у них уже дети родились, Ира и Андрей) – дом им продал брат Леонида, переехавший в Тутаев.

Ни о ком Фаина Михайловна по-худому не сказала: и в свекрови сразу увидела родного человека, и прабабушка за детшками смотрела, и мама её, уйдя на пенсию, у них свой приют обрела. Везде помощники, самые отзывчивые, самые милосердные.

В 66-ом они в Ильинском оказались. На молочной ферме освободилось место – стала Фаина Михайловна профессию доярки осваивать. После

шестнадцати коров руки тяжелели, болели, пальцы застывали. Да нет, она никогда и никакой работы не боялась, ловкая и сноровистая, привыкла, коровы её признали; потом механизацию внедрили – уже двадцать две питомицы отборное молоко давали. Ферма передовая, коллектив без пьянства, премии постоянно – очень ей это нравилось. Квартиру получили в щитовом доме, с Антониной Васильевной Климагиной вместе, тоже редкостной труженицей. Так бы всё и шло, хорошо да в гору, только школа в селе теперь понизилась до четырёхклассной, Ира как раз там их и окончила.

Ох, как не хотелось Фаине Михайловне куда-то уезжать! Плакала втихомолку, сопротивлялась решению Леонида, который почему-то и на фабрику «Волга», и на моторный завод в Тутаеве идти заупрямился. Левашово – другое дело: детям – восьмилетка, родителям – перспектива служебного роста, областные города с обеих сторон, Ярославль и Кострома, активное строительство 12-ти квартирных домов с удобствами, магазины, клуб, библиотека. А поля какие! Техника! Леонид Андреевич в кабинете директора совхоза Алексея Анатольевича Второва всё толково разузнал, поскольку не любил пустого дела ни от кого. Антонина Васильевна Климагина к тому времени уже левашовской жительницей стала, звала их к себе. Решили ехать. Сердце – от его переживаний никуда не спрячешься, тридцать четыре года на родине не выкинешь. Две грузовые машины выделил директор для перевозки имущества – не сами нанимали, – Вениамин Максимов и Николай Дыдоров за рулём были в тот поворачивающий в неизвестность день, 2 апреля 1972 года. Скотину, какую растила, пришлось у сестры оставить, а кур – нет, уж как-нибудь, свои – хозяйку чувствуют, и дети яичку радуются.

Да, признаётся Фаина Михайловна, первое время сравнивали, что там и что здесь. Не выходило пока в левашовскую пользу, хоть вроде и неплохо устроились: на подселение, но можно ждать отдельную квартиру (так оно впоследствии и вышло, хорошую получили), Леонид Андреевич на дизельном тракторе стал работать, а она – дояркой на центральной ферме,

сначала подменной, до ухода в декрет бригадира Фаины Александровны Хропычевой, потом на своей группе. Привыкали к селу, к людям, своим трудом почёт и уважение заслужили, фамилия Ермушовых звучала на директорских планёрках, на совещаниях передовиков производства в Некрасовском, их портреты украсили левашовскую галерею Славы. Грамоты района, области за победы в социалистическом соревновании – у обоих. После учёбы в Михайловском Фаина Михайловна ещё десять лет отработала техником-осеменатором, стала ветераном труда Всесоюзного значения. Леонид Андреевич награждён орденом «Знак Почёта». Ира и Андрей окончили Левашовскую восьмилетку и старшие классы Некрасовской средней школы.

Очень дружная, настоящая семья, приятная, общительная. Леонид Андреевич был (теперь уже – был...) основательным, добротным человеком, ничего не делал второпях. Рыбачил (такие рыбные котлеты готовил, вкус до сих пор на губах!), пел в местном хоре, зря ни одного слова не ронял; крепкий осознанием хозяйского подхода к земле, он служил ей преданно, не жался себя.

Фаина Михайловна тепло говорит о детях, по-матерински заботливо, бережно. Хвалит их трудолюбие. «Вздыху не видит», – это она об Андрее, понимая его стремление к городскому достатку, который возможен только через огромную занятость. Внуки, Иван и Дмитрий, радуют её по-своему, по-мальчишески, с задором нынешнего поколения, в чём-то всё-таки похожего на ребят других лет, трудных другой жизнью.

Она, Фаина Михайловна Ермушова, по-прежнему красива и по-прежнему считает труд основой всего. Она доверительный собеседник и щедрый человек. Её сердечность – как весенний первоцвет, лёгкий, улыбочивый, добрый, с особенкой своего душевного влияния на людей, похожий на женские руки, от которых исходит сила и свет земли. Данность эта – от женщины, простой и великодушной в своей непритязательности, в желании мира и счастья всему, для неё родному.